

РЕЦЕНЗИИ

=====REVIEWS=====

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М.А. ДУДАРЕВОЙ «Я МОЛЧАНЬЮ У ЗВЕЗДЫ УЧУСЬ...»: АПОФАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА С.А. ЕСЕНИНА. ПОЭТИКА МНИМОЙ ПРОСТОТЫ»

© 2022 Э.А. Радаева

Радаева Элла Александровна, кандидат

филологических наук, доцент

кафедры литературы, журналистики и методики обучения

Самарского государственного социально-педагогического университета,

научный редактор Самарского федерального

исследовательского центра

Российской академии наук

Самара, Россия

Окинув взглядом одно только оглавление очередной книги Марианны Андреевны Дударевой (доктор культурологии, кандидат филологических наук), невольно вспоминаешь слова Льва Аннинского: «Русский человек – на свидании с вечностью. Он в сущности только с вечностью и согласен иметь дело. Он возвращает Богу карту звездного неба исправленной» [1, с. 33]. Это – апофатика, это – уже обычная для Марианны Дударевой призма исследования.

Книгу «Я молчанью у звезды учусь...»: апофатика художественного мира С.А. Есенина. Поэтика мнимой простоты» [2] можно по-ленински назвать «очень нужной и своевременной». Это связано с ажиотажем (бурной полемикой уже не назовешь), который вызывает в последние годы имя великого поэта, обилием взаимоисключающих трактовок его творчества, популярностью сериала И. Зайцева (2005), эффектной подачей биографии С. Есенина медийными лицами в актовом лекциях и пр. Автор книги отдает должное и степени сугубо научного познания жизни и творчества Есенина: «Кажется, столько всего сделано в есениноведении: издано академическое собрание сочинений, ведется кропотливая работа над выпуском есенинской энциклопедии, проводится ежегодно международная конференция в ИМЛИ РАН и в рязанском университете имени поэта, но остается ощущение недосказанности, как будто что-то ускользает от тебя, когда читаешь стихи Есенина или слушаешь песни на его стихи...» [2, с. 5].

Однако Марианна Дударева своей монографией создает некое поле осцилляции среди всех этих споров. У М.А. Дударевой имя поэта будто «обрело покой» в русском космо-психо-логосе.

Она поднимает судьбу С. Есенина высоко НАД вопросами: убийство или самоубийство; поэзия для алкоголиков и «блатных» или для интеллектуальной элиты?..

Книга посвящена памяти горячо любимого мужа Марианны – Валерия Дударева, творца светлой, прозрачной поэзии, «сына земли русской» – и по праву является детищем этой их супружеской синергии: «мнимая простота» стихов Есенина, преломленная в сознании многовекторного исследователя. Труд М.А. Дударевой можно оксюморoidalно назвать «поэтическим препарированием»: трепетная работа скальпелем литературоведа, фольклориста и культуролога над са크ральным в творчестве поэта.

Монография составлена из достаточно автономных статей, поэтому читатель может начать знакомство с ней, выбрав любую интересующую его тему – так, любопытство толкает нас в первую очередь открыть главу под названием «Тайна смерти...». Но здесь мы не находим авторского ответа на вопрос, который затрагивали известные даже рядовому любителю вечные антагонисты – Захар Прилепин и Дмитрий Быков (признан иноагентом) – и который стал едва ли не единственным моментом их консенсуса. М.А. Дудареву больше волнует поиск «иног царства» С. Есениным, который она прослеживает уже в его ранних стихах. Анализируя ряд мифологем (в стихах «Матушка в купальницу по лесу ходила», «Край любимый! Сердцу снятся...», «Пойду в скуфье смиренным иноком...»), М.А. Дударева приходит к выводу, что речь идет «не о подражании символистам, как показывают некоторые исследователи, видящие во введении концепта «смерть» лишь красивый поэтический творческий ход,

отсылающий к туманным далям, тоске по неведомому, а о концепции жизни — смерти, Эросе и Танатосе, которые по законам мировой культуры всегда находятся в парадигматических отношениях. Лирический герой следует и путем влюбленного, и путем Христа, что в сакральном пространстве жизни и смерти суть одно, когда любовь мы воспринимаем как Абсолют культуры» [2, с. 24].

Исследование М.А. Дударевой позволяет также заполнять лакуны в есениноведении, которые, как ни парадоксально, имеют место: так, в науке и критике недостаточно внимания было уделено стихотворению «*Душа грустит о небесах...*» (глава «**Отказ от слов, или Иерофания («понятен мне земли глагол»)**). Автор дает свои культурфилософские дополнения работам П.И. Симуша, А.М. Марченко, Е.Г. Мещериной. На примере анализа данного стихотворения проследим весьма оригинальную траекторию исследовательской мысли М.А. Дударевой. Согласно ее концепции, «душа в поэтике Есенина, по меткому наблюдению Е.Г. Мещериной, всегда связана с небом, устремлена в горнее пространство), ...вторые две строчки заставляют задуматься — лирического героя как бы снова возвращают на землю, в лоно природы. Образуется, через человека как сквозную Мировую Ось, связь неба с землей, горного и дольного, что подкрепляется второй строфой: «То сучья золотых стволов, / Как свечи, теплятся пред тайной, / И расцветают звезды слов / На их листве первоначальной» <...> Здесь уже задается пространственно-временная парадигма стихотворения. Во-первых, семантика цвета «золотой» указывает, с одной стороны, на внешнее проявление времени — лирический герой наблюдает за деревьями, качанием листвы на них в предзакатный час, что подтверждает и появление «звезд слов» и «кометы» в третьей строфе. Во-вторых, колоратив «золотой» семантически заряжен в культурологическом плане и, с другой стороны, указывает на возникновение ноуменального мира, тайного, невидимого — сучья как свечи пред тайной, Тайной причастия к невидимому миру. А постичь эту Тайну можно через Логос, который здесь у Есенина приравнивается к молитве, на что указывает третья строфа, пожалуй, самая загадочная во всем стихотворении: «Понятен мне земли глагол, / Но не стряхну я муку эту, / Как отразивший в водах дол / Вдруг в небе ставшую комету». <...> За пониманием должно

следовать удовлетворение от узанного, простота и ясность, а у Есенина понимание становится синонимичным муке, которую еще и «не стряхнуть», то есть не освободиться от нее. В данном случае речь идет о мучениях от знания феноменального мира, которое доступно, понятно. А до сакрального знания еще нужно дорасти, поскольку оно непонятно и неведомо — в этом и кроется апофатизм ситуации данного лирического текста. <...> Чтобы освободиться от бремени вечно мира, необходимо замолчать, выйти за пределы данного: «Я хочу быть тихим и строгим. / Я молчанью у звезды учусь. / Хорошо ивняком при дороге / Сторожить задремавшую Русь». В. Лепяхин, исследуя иконичность поэтического мира Есенина, пишет о богослужении природы, избяной литургии: «...космос становится одной огромной, но уютной, обжитой Избой». Но познать этот Космос можно тоже только в определенные моменты, в свой сакральный час» [2, с. 27-28].

В том же ключе — с привлечением культурфилософских методов и через апофатику (по М. Дударевой: «не только метод познания в теологии Божественного через отрицание всех предикатов как ложных или частично ложных») — развенчана и иная «простота» певца деревенской избы, что видим в следующих главах: «Древесный код, или Космософия Есенина («облетевший тополь серебрист и светел»); «Ноуменальная реальность, или Alter ego («сам себе казался я таким же кленом»); «Апофатика болезни, или Этосы пограничности («я уйду, исцеленный навек»); «Апофатика света, или Инобытие художественного текста («вечерний несказанный свет»); «Апофатика любви, или Принцип незримости («ты меня незримая звала»); «Незримая возлюбленная, или Дорога в никуда («путь-дорога узкая»).

Особый интерес вызвала глава «**Черный цвет в мировой культуре, или Черный человек («я не знаю, то свет или мрак»)**», т.к., насколько можно судить, обывательское сознание ассоциирует обычно есенинского «черного человека» с «людьми в сером», которые якобы преследовали поэта незадолго до его смерти (гибели?); у более просвещенных любителей «черный человек» — одна из ипостасей «я» самого Есенина как факт начинающейся шизофрении. М.А. Дударева трактует этот образ еще шире и глубже: «...Финальный жест героя, запускающего в черного человека

тостью, не только не избавляет от нежелательных двойников, но окончательно объединяет их всех в одно «я». Но дело в том, что изначально в поэме один герой — у которого очень болит голова, поэтому ум его, своего рода нафс (на эзотерическом языке суфизма так обозначаются страсти, неуспокоенный ум), превращается в некое существо, терзающее лирического героя. Ведь был же отделившийся нос, как живое существо, у Гоголя?! У Есенина отделяется ум, мысли, думы-песни («Песни, песни, о чем вы кричите?»), которые превращаются, выражаясь языком онтологии, в эманации. Отсюда и болезнь, и мука, связанные с избыточным познанием, — ведь черный человек начинает дробить, по полочкам раскладывать жизнь героя, ковыряясь в ненужных фактах биографии, как бы забывая о главном — о стихах, об их ухватистой силе. Но божественный глагол поражает в самое сердце, сердцевину, и именно через Логос мы попираем Тьму, Смерть. Эта поэма о торжестве Единого человека, в котором белое и черное, дневное и ночное знания сходятся. Еще богословы указывали на то, что ночное должно стать дневным: «...отрицательное познание непостижимым путем» может перейти в

положительное. Есенин через боль, или Боля, через перерождение в Смерти показал этот великий переход в своей последней поэме «Черный человек» [2, с. 97-98].

Автор признает, что сам Есенин, разумеется, не оперировал таким понятием, как апофатика: «...но его размышления о нетварной энергии орнамента и слова подводят нас к тому, что поэт через русский фольклор пришел к поразительным по своей философской глубине выводам, предвосхищающим замечания философа С. Франка о поэзии, а именно о ее непостижимой сущности: «...быть поэтом и значит в конечном счете не что иное, как быть в состоянии выразить в словах и дать нам почувствовать непостижимое и несказанное» [2, с. 12].

Поэтому и сама книга Марианны Дударевой, эти «десять герменевтических реконструкций разных текстов поэта» — действительно, «диалог с самим Есениным с напряженными вопросами-вопрошаниями и неожиданными ответами-открытиями». И соприкоснуться с этим диалогом будет интересно любому неравнодушному к гуманитарному знанию.

1. Аннинский, Л. А. Русский человек на любовном свидании. — М.: Согласие, 2004. — 276 с.
2. Дударева, М. А. «Я молчанью у звезды учусь...». Апофатика художественного мира С. А. Есенина. Поэтика мнимой простоты. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. — 120 с., илл.

ДУДАРЕВА Марианна Андреевна

«Я МОЛЧАНЬЮ У ЗВЕЗДЫ УЧУСЬ...»

АПОФАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА С. А. ЕСЕНИНА.
ПОЭТИКА МНИМОЙ ПРОСТОТЫ

